

Копипаста:Creepy:Поезд — Lurkmore

[[1]]

Колёса стучат на стыках, мерно покачиваются вагоны, баюкая пассажиров, а позвякивание ложек в гранёных стаканах тихим музыкальным фоном сопровождает всё происходящее. За окном мелькают пейзажи России, голые деревья, словно поражённые чудовищной болезнью, убогие домишки, угрюмо глядящие на проносившийся по железной дороге поезд. Свет в коридоре приглушён, смолкли разговоры, и большая часть людей уже улеглась спать.

Я отхлёбываю чай из стакана и задумчиво барабаню пальцами по клавиатуре ноутбука: рассказ никак не хочет писаться. Идея вроде бы есть, готовы пара оборотов, просящихся в текст, но первые фразы никак не желают слетать с пальцев. Наваждение какое-то.

Я тянусь к куртке, висящей рядом, чтобы достать пачку сигарет, задумав совершить небольшое преступление в тамбуре, когда слышу тихий шёпот с полки напротив:

— Ты чего не спишь, полуночник?

— Рассказ не пишется, — отвечаю я своему приятелю. — Курить пойдёшь?

Дима отвечает, садясь:

— Отчего бы и нет. Поспать-то ты всё равно не дашь, будешь метаться по купе до утра. Писатель, блин...

Накинув куртки, мы выходим в тамбур. Перестук колёс становится громче, холодный воздух приятно бодрит.

— Приятно ночью курить в тамбуре, — внезапно произносит Дима. — Есть в этом что-то...

— Потустороннее? — подсказываю я.

— Нет. Просто. Просто что-то в этом есть.

Я согласно киваю, выдыхая дым. Димон прав, от ночных перекуров в тамбуре веет каким-то особым духом дороги. Выходишь так — и сразу чувствуешь себя не просто мчащимся непонятно куда студентом, а опытным, матёрым искателем приключений в поисках очередного Грааля.

Докурили мы в молчании, каждый думая о своём и любуясь видами зимнего леса. Затувив окурки, направились в купе. Мы были уже совсем близко, когда поезд ощутимо дёрнулся, останавливаясь. Не настолько сильно, чтобы спящие пассажиры послетали с полок, но явно сильнее, чем при торможении на станции. Скрипя тормозами, поезд остановился.

— Охренительно, блин, — бормочу я. — Чего встали-то, интересно?

— Да мало ли что. Пошли в купе, — бурчит мой приятель и легонько подталкивает меня в спину, подгоняя.

По вагону уже слышится недовольное бормотание проснувшихся пассажиров, а из купе высовываются головы с взъерошенными волосами.

— Вы что, сволочи, наделали, а?! — щерится на нас с Димой какая-то бабка, явно подозревая нас в том, что мы дёрнули стоп-кран.

Я успел только раскрыть рот для ответа, как в коридоре объявилась проводница, оглашая пространство громовым басом:

— Сохраняйте спокойствие! Возникли технические неполадки! Запритесь, пожалуйста, в купе, опустите шторы и выключите все осветительные приборы! Поезд скоро отправляется!

— А шторы-то за каким этим самым опускать? — доносится с другого конца вагона нетрезвый мужской голос.

— Чтобы ты, чудак, спросил! — мгновенно приходит в ярость проводница. — Поезд скоро отправляется, делайте, пожалуйста, как я прошу.

Мужик, похоже, не хочет сдаваться так просто, но окончания перепалки мы уже не слышим: дверь купе отсекает звуки. Некоторое время мы молча сидим в тишине, затем Дима произносит:

— Интересно, что там снаружи происходит?

Я пожимаю плечами:

— Знаешь, у меня дед в подземке работал машинистом. Ну, рассказывал там всякое... Так что... Думаю, если мы выглянем в окошко, увидим мужиков в спецовках, которые с матюками бегают вокруг поезда.

Димка ухмыляется, и мы синхронно пододвигаемся к окну и чуть убираем штору. Снаружи нет ничего необычного, вполне такой российский пейзаж: запорошённый снегом лес, чёрной стеной встающий в нескольких метрах от поезда, да фонарь, горящий где-то в отдалении.

— Мужики в спецовках, судя по всему... — начинает было мой однокурсник, но замолкает.

— Что? — переспрашиваю я.

— На фонарь посмотри. Мне кажется, или он сдвинулся только что?

— Показалось, наверное...

Нет, не показалось. Я тоже вижу, как фонарь, светящийся где-то в отдалении, сдвигается немного вправо. совсем чуть-чуть.

— Димон, — прозреваю я. — Это не фонарь вдалеке. Это тут, за ближайшими деревьями кто-то светит.

На некоторое время вновь наступает тишина. Мы напряжённо вглядываемся в источник света, оказавшийся куда ближе к нам, чем мы предполагали изначально.

— О, видел?! — громким шёпотом произношу я, когда огонёк, качнувшись, сдвигается ещё немного.

Дима не отвечает, только тяжело сопит, очевидно, пытаюсь понять, что же мы видим. Я же, повинувшись внезапному порыву, достаю из кармана телефон и включаю на нём фонарик, затем прислоняю заднюю стенку смартфона к холодному стеклу и провожу им из стороны в сторону. Через секунду неизвестный источник света повторяет мои движения.

— О! — восклицаю я. — Контакт с внеземной формой жизни установлен!

Мой приятель хмыкает, а я продолжаю играть с неизвестным собеседником: выписываю на стекле круг, крест, вожу смартфоном из стороны в сторону... С той стороны кто-то послушно повторяет все мои движения. Когда моя фантазия иссякает, и я опускаю руку со смартфоном вниз, огонёк в лесу, чуть помедлив, смещается снова. На этот раз — в сторону поезда. Совсем немного. А затем — ещё немного. И, наконец, начинает целеустремлённо двигаться к нам, покачиваясь из стороны в сторону.

— Твой новый друг тебя потерял, — комментирует происходящее Димка.

Я киваю, и мне отчего-то становится неуютно. Кого я приманил своей игрой? Бомжа какого-нибудь? Туриста?

Источник света приближается, и уже становится возможным различить очертания человека. К поезду нетвёрдой походкой шагает мужчина, высоко над головой держащий старую керосиновую лампу. Стекланный кожух, защищающий огонёк от ветра, причудливо преломляет свет, и становится ясно, отчего мы перепутали его с фонарём — обычно настоящий огонь не даёт такого мертвенно-жёлтого свечения. Мужчина шагает напрямик через сугробы, как обычно говорят в таких случаях — с упорством, достойным лучшего применения.

— Поздравляю. Ты приманил психа, — говорит Димон.

Я тихонько киваю. Не могу не согласиться. Вряд ли психически здоровый человек будет ночью гулять по зимнему лесу в тренировочных штанах и футболке, да ещё и с керосиновой лампой. В его облике, кроме явно неподходящей сезону одежды, есть что-то отталкивающее, кричаще-неправильное. Походка, нелепые движения головы и рук, то, как он держал лампу — всё это говорило о том, что этот человек не в порядке. Совсем не в порядке.

— Слушай, Дим, тебе не кажется... — начинаю я говорить, когда мужчина достигает железнодорожной насыпи, но осекаюсь, едва не вскрикнув: сумасшедший поднимает голову. Его лицо распухло так сильно, что глаза превратились в узкие щёлочки, но при этом он улыбается, демонстрируя два ряда крепких белоснежных зубов. Он падает на четвереньки и скрывается из вида.

Мы с моим приятелем смотрим друг на друга, не зная, как реагировать на происходящее, а мгновение спустя с криком отскакиваем от окна: за толстым стеклом внезапно взмывает керосиновая лампа, высоко, словно знамя, поднятая в руке. Затем открытая ладонь другой руки бьётся в стекло. Мы видим, что ногти на ней отрасли настолько, что напоминают скорее изогнутые когти на птичьей лапе. Обломанные, покрытые чем-то тёмным.

— Задёрни штору! Задёрни штору! — громко шепчу я, спиной вжимаясь в стену купе и потихоньку отползая от окна.

— Смотри... — выдавливает из себя Дима, указывая куда-то рукой.

Я поднимаю взгляд над керосинкой и вижу, как из леса выходят люди. Той же походкой, спотыкаясь,

падая, и поднимаясь снова и снова, медленно ковыляют к нашему окну.

— Что это?! Димка, что происходит?!

Однокурсник не успевает мне ответить — в купе врывается проводница и, с шипением подскочив к окну, опускает шторы.

— Послал мне бог идиотов! — свистящим шёпотом произносит она в наступившей темноте. — Сказала же, шторы задёрнуть и не светить ничем!

— Да что происходит-то? — практически синхронно произносим мы с приятелем.

— Технические сложности! — бросает тётка и выскакивает из купе. Мы слышим, как она запирает нас снаружи.

— Что-то тут неправильно, — произношу я, и мои слова повисают в тишине.

Некоторое время мы сидим молча, слышатся только редкие шлепки ладоней по стеклу, да шуршание ногтей по металлическому корпусу поезда. Из соседних купе до нас долетает обеспокоенное бормотание, судя по тому, что нам удаётся расслышать, проводница заперла всех. Приблизиться к окну больше нет никакого желания.

Я снова пробую завести разговор:

— Ты как считаешь, что случилось?

После паузы Дима отвечает:

— Понятия не имею. Завтра разберёмся, как доедем. Может, из психушки народ свалил. А может, это зомби-флешмоб такой. А может, это упыри, почему бы и нет?

Шутка отнюдь не кажется мне смешной, когда я вспоминаю распухшее лицо спешащего к поезду мужчины, но я не могу сдержать нервный смешок. Затем ещё один. Затем вместе со мной начинает смеяться Дима. Мы хохочем до тех пор, пока тишину зимнего леса не разрезает крик. Полный боли и животного ужаса крик человека, которого лишают жизни.

Бормотание в соседних купе мгновенно смолкает, зато хлопанье и шуршание заметно усиливается — крик словно вдохновил тех, кто пытался проникнуть в поезд снаружи.

— Это что сейчас было? — спрашиваю я, и мой голос дрожит гораздо сильнее, чем не бы того хотелось.

Приятель молчит.

Так, в молчании, проходят минуты. Звуки, доносящиеся снаружи, начинают нервировать всё сильнее. Я несколько раз дёргаю дверь купе, но та вполне предсказуемо не поддается.

— Да что же это такое, а?! — раздаётся где-то неподалёку. — Почему нас тут держат?! Почему не едет поезд?! Я требую открыть купе!

По вагону пробегает волна ропота. Похожие крики начинают раздаваться, произнесённые другими голосами.

— Тихо! Не шуметь! Скоро поедем! — перекрывают всех вопли проводницы, но её уже никто не слушает.

— Я сейчас сломаю дверь! — грозно басит кто-то, судя по звуку, примерно через купе от нас.

— Сломаешь — будешь платить! — не сдаётся тётка, но и этот, железный, по её мнению, аргумент не срабатывает.

Слышны глухие удары, затем треск и грохот.

— Где тут старший?! Меня жена ждёт беременная! — беснуется неизвестный мужик, но проводница не отвечает, видимо, заперлась у себя. — Я сейчас к машинисту пойду! Вы мне сейчас все ответите тут! Я вас засужу к такой-то матери, гниды!

Вопли и тяжёлые шаги перемещаются по вагону, очевидно, мужчина идёт по коридору к выходу. Дверь, судя по разочарованному рычанию, оказывается заперта.

— Открой дверь, мразь! — воеет муж беременной женщины.

Затем все звуки сливаются в дикую какофонию: снова глухие удары, треск, угрозы и проклятия, звуки борьбы, несколько звонких шлепков, с которыми кулаки опускаются на лицо... Я практически вижу, как проводница, размазывая кровь из разбитого носа по щекам и подбородку, причитая, плетётся открывать дверь вагона. Я даже представлять не хочу, какого размера должен быть человек, способный сломать двери купе без подручных средств. Наверное, я бы тоже не смог такому отказать.

Раздаётся звук открывающейся двери. Затем вопль мужика:

— Ох, мать!

А потом женский визг заглушает все остальные звуки.

В купе начинается паника. Люди беснуются, одни требуют открыть, другие, напротив, не открывать. В стены нашего купе несколько раз бьётся что-то тяжёлое. Мы же с Димой впадаем в ступор — всё происходящее уже настолько далеко ушло от нашего понимания нормы, что мы попросту не знаем, что нам делать. Шум в вагоне всё усиливается, поэтому мы не сразу понимаем, что часть звуков доносится из коридора. Шаги. Шаркающие шаги, в полном молчании. А затем дверь нашего купе дёргают. Не очень сильно, но явно с намерением открыть. И ещё раз.

— Кто там? — подаю я голос.

В ответ раздаются лишь шлепки и шуршанье... Да ещё запах. Из коридора отчётливо начинает пахнуть разлагающейся плотью.

Вопли в вагоне усиливаются. Судя по всему, неизвестные, заполонившие коридор, успели подёргать двери во все купе. Я тихонько сползаю с лавки на пол, упорно отказываясь верить в реальность происходящего. Судя по всему, с Димкой происходит примерно то же самое. Мы оба тяжело, со всхлипами, дышим. Не знаю как мой сокурсник, а я весь вымок от пота.

Со временем вопли стихают. Находящиеся в коридоре люди тихонько переминаются с ноги на ногу, дёргают двери, шлёпают по ним ладонями, но становится понятно, что сил проникнуть к нам у них нет. Уверен, почти все пассажиры в эти мгновения благодарят проводницу за то, что она заперла всех на ключ. Как бы там ни было, мы в безопасности, а значит, сможем дождаться помощи. Помощь, конечно же, будет, как же иначе?

Но сквозь быстро ставшие привычными звуки шлепков и перетаптываний начинают пробиваться новые: по коридору кто-то идёт. Шагает тяжело, приволакивая одну ногу. Останавливается у нашего купе. Долго шарит ключом по двери. А затем глухо произносит, распахнув дверь:

— Поезд дальше не идёт. Просьба освободить вагоны.

Читать ещё

- [Мне 20 и я бородат](#)

Читать ещё

- [Яблочник](#)